

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

Озноб и пытка нищенского крова,
Предместий столынные гиблые места,
Рождение и пестование слова,
Взыск постоянный писчего листа.

Искус пера —
приманкою
навеки,
Клеймом,
восторгом,
бедствием,
виной
Без отпускных
от альфы
до омеги...
И кто сказал,
что выбор был
за мной?

Николай БОРСКИЙ

Моей была лишь выстраданность жеста:
От шкурных благ — излом ладони вверх.
Мир на шестке подыскивал мне место:
Не отыскал — и в белый свет низверг.

За годом год — день, вечер, ночь и утро,
В которых жертвы требует глагол,
Где по примеру Гриши-любомуудра
Под синим небом — вольный шлах и стол.

Что может быть желаннее и краше
В цветах и травах скатерти степной,
Когда на ней кастальской влаги чаша
И просторечья хлеб отрубной?

И хоть порою жить ползком пытался,
На много лет в конторскую дыру
Не попадал. А если увлеклся,
То, слава Богу, был не ко двору.

Изнемогать, отчаиваться, падать,
Превозмогать — и снова тот же шаг:
Черниковок мучительная радость,
Найтих вещей возглас или знак.

На склоне лет блаженствовать, сгорая —
Пусть всё видней забвения река
И шлах, как прежде, без конца и края,
И стол накрыт в присутствии врага.

ЗАКЛЯТИЕ

Невертёж. Но вовек не покину
И народ замордованный наш,
И дороги размокнушую глину,
И классический русский пейзаж,
Чтобы власть упиваться в напасти
Влагой с неба и солью с лица,
Пылью став для безжалостной власти,
И в тоске — тяжелее свинца.

Как расстаться с ольхою в овраге,
С косарями на росном лугу,
Если даже могилу собаки
Бросить в этом краю не смогу?..

Не по мне в эмигрантском раздрызге
Утекать за бурги и моря —
Слишком корни мои неразрывны,
Чересчур тяжелы якоря.

И в пылу чувств и мыслей мятежных
По ночам бесконечным без снов
Не слышал никогда я утешных
Повергавших в соблазн голосов.

Вместе с родиной жребий нам выпал
Доживать у разбитых корыт.
Кем я только унижен тут ни был!
Чем пожалован, кроме обид?

Всё едино — ни грёз, ни истерик...
Безразличен мне, плох ли, хорош,
Скандинавский и штатовский берег.
Просто здесь, говорю, неперлёрж.

Не потчусь. Не польщусь. Не отрину.
Но и горя с души не сотру,
Отступая в дождливую глину
На простудном осеннем ветру.

Timeo Danaos et dona ferentes!
Publius Vergilius Maro
Горечь полныи, утрат моих горечь...
Благо — неправедным,
праведным — срам.
Денз изурителен. Пригород. Город.
Тяга слепая к данайским дарам.

Мы... Откуда? И кто? И зачем на Земле?
И надолго? И корни крепки ли?
И, рождённые Солнцем, —
космической мгле
Мы — не вызов? Не ей — вопреки ли?
Я... В Полесье льяном,
в украинских степях,
Под Воронежем, в русской землице,
Под лозой виноградной,
в молдавских краях,
Скрыты временем пращуров лица.

Крыла молитвенных глаголов

Только всюду —
следы их натруженных рук.
И земля, оживлённая ими
По закону родства призовет меня вдруг:
"Как несёшь наше честное имя?"

И на исповедь эту, что нету святых,
С чем придру? Есть ли что за душою?
Я подранок войны, но взрастила детей,
Знала счастье и горе большое.

Ненавидела трусов, порою сама
Пасовала пред наглою ложью,
Но старалась, что было души и ума,
Жить по правде, как это ни сложно.

Много? Мало ли это? В ответе и я
За всё зло, что взросло на планете.
И на грани всеобщего небытия
Как забыть, чьи мы внуки и дети?

Продолжение тех, что прошли по Земле
И надёжные корни пустили,
Ты и я — может, вызов космической мгле
И затем мы, чтоб звёзды светили?

КРЫЛА МОЛИТВЕННЫХ ГЛАГЛОВ

Крыла молитвенных глаголов
Меня уносят в небеса.
Земные бури, боль и голод
Внизу. Свет горний пьют глаза.

Крыла молитвенных глаголов,
Как страшно мне лишиться вас.
Я знаю: мой от Бога голос —
Для вас, живая с небом связь.

Глаголы Вечности устами,
В конец уставшие от лжи,
Шепчу в надежде неустанной —
Крылатость вымолишь души.
И мне — ответное, в тиши:
— Верша земное, не спешите.
Свой срок, свой срок — для крыл души!

Всё на продажу —

с желудочным "выжить!",
Гонки крысиной измор до конца.
Помыслы стали инстинктов не выше,
Сделались чувства не глубже корца.

Сглазили нас, оплели, замарали:
Будь ограбляемый — или ограбь!
Нижняя мёртвая точка спирали,
Бледная немочь и чёрная рябь.

Дымная, жгущая очи осада,
Неумолимый, убийственный смог.
Жизней людских беспощадная трата,
В саднящем горле кровавый комок.

Стащен и пропит священный палладий,
Вера наивная — лживым словам.
Не упасть от змеиных объятий
Ни мудрецу, ни его сыновьям,

И кто сказал, что выбор был за мной?

Ибо, предчувствуя гибельный хаос,
Страшную правду поведать не смею.
Тщётно заклятье — "Timeo Danaos!.."
Настежь ворота. Вторжение. Смерть.

РУССКОЕ ПОЛЕ

В.Б. Румянцев
Стекланно озеро от зноя,
Трепещет марево вдали,
Коровы после водопада
В скупую тень кустов легли.

Бежит дорога полевая
Среди увалов и жнива,
Надеждой душу окрыляя,
Что наша родина жива,

В которой вольным ветром движим
Флот облаков за окоём
И не убит пейзаж бесстыжим
Воскокрушающим ворьям.

И эти пажити и рощи
Как будто шепчут мне, что ей
Руклой подать до прежней мощи,
А после стать ещё мощней.

Нашлась бы только в ком отвага
Гнилой режим всерьёз качнуть:
Ведь нам до пропасти — полшага,
До полной гибели — чуть-чуть.

В разоре Русь, вражда клубится...
Но где воитель молодой
И где заветная криница
С живой спасительной водой —

Чтоб кладезном, добытым с бою,
Змеиный узел разорвать
Да из ковша водичей тою
Согрдажен снулых окропить?

Зовёт, ведёт вперёд дорога,
И мысль рождается, светла,
Что лишь до времени, до срока
Нас враг выбил из седла.

Не зря за павольной воздушной
Борок, как полк засадный, бдит,
Рябит стерня броней кольчужной,
На склонах сталью харалужной

Обочь пути ковалы блестит
Среди просторов златозвонных
В заволжской солнечной глуши...
И рыжий отроком подсолнух
Мне улыбается с межи.

Есть и такая печаль на земле:
Дребезгом ложки о стенку стакана
Возле кульки сухарей на столе
В спящем купе быть разбуженным рано.

Где я, очнусь вдруг, зачем и куда?
Ах, я собрался к самарским разливам,
К освобождённым от снега и льда
Сучьям и ключьям в потоке бурливом,

К буйству кофейного цвета воды
С бульканьем, хлопотом,
плениением займищ,
Где, если с птичьей смотреть высоты,
В плане округа меняется за ночь,

Чтоб, до костей наломавшись веслом,
Въехал под сень набухающих веток,
С хатой родной, обречённой на слом,
Счастье своё поминать напоследок,

Вспомню, как в детстве, в полдень
Вспомню, как в детстве, в полдень
Вспомню, как в детстве, в полдень
Вспомню, как в детстве, в полдень
Вспомню, как в детстве, в полдень

В ПОИСКАХ ПОТЕРИ

*Берегись, чтобы те строки,
которые ты написал,
не были предъявлены на Суде
по обвинению твоему,
подписанные рукою Ангелов.*
Тертуллиан

Затерялось человеческое слово
Во вселенских бесконечных лабиринтах,
В непонятных нам шумах
и чуждых ритмах.

Ветром солнечным безжалостно несомо
Затерялось человеческое слово.

Затерялось наше слово — и какое! —
Слово жизни, что зовут ещё любовью.
Без него — всё на Земле объёто болью.
Невозможно и подумать о покое.

Было, было слово. И какое!..
Затерялось. Безвозвратно. Даже эха,
Даже эха не дожидаться. Всё же снова,
Снова шлю живой душе живое слово,
А в ответ — лишь будто радиопомеха.
Не дожидаться, не дожидаться даже эха.

И не веря в разобщённость,
в люди вышла,
Чтоб вблизи услышать голос человека.
И хотя мела по всем земным сусекам,
Из моей затеи ничего не вышло.

По наивности за Правдой в люди вышла.
Вдруг нежданно, вдруг нежданно,
набатно:
— Что вы ищете в космических глубинах?
Слово Правды мимоходом загубили.

Как же мыслите вернуть его обратно?
Обличительно, уверенно, набатно —
Человеческое слово? Правый Боже!
Вы давным-давно уже не говорите:
Богохульство — на латыни, на иврите,
И на греческом, и на славянском то же!
Человеческое слово?! Правый Боже!

На скрещенье всех немислимых дорог
Было Слово! Слово было Бог.
С человеком породилось это Слово.
Ради страждущих даётся время снова —
Поиск Богочеловеческого слова!

— Разговаривает кто так с нами смело?
Только белыми крылами прошумело
Что-то очень высоко над головами:
— Осторожнее, земляне, со словами!

ОСОБАЯ ПОРА

Когда пространство всё
пронизано лучами,

Згу комарину, каждую пядь...

Не возвращение —

лишь посещение,
Лишь навешанье с прощаньем опять,
Против течения — и вновь по течению.

Спазм ностальгии кривящимся ртом
Внутрь протолкнуть,
а вдогонку по-русски
Спирта глоток и воды за бортом
В той же посудине вместо закуски.

Капли дождя на вагонном стекле,
Не навсегда ещё я, не навеки
Дребезг стакана в купе на столе,
В отчие веси, на вешние реки
Два огонька в промелькнувшем селе,
Дикое поле, Россия во мгле...

Есть и такая печаль на земле.

НА ЗАДВОРКАХ

День безоблачный, свежий, подталый,
Вскленъ забытый сугробом овраг,
Хаос мыслей, порывов, деталей,
Сногшибательный, как Пастернак.

Слишком оторопь, весь задыханье,
Чувств разброд и смятенные ума.
Это там, это там за дымами —
Пошлых тяжб и страстей кутерьма.

Это там я попал ненароком
В непотребство посадских хрущоб,
Посрамлённый насмешником-роком,
О столице мечтавший взалхлёб —

Я, на пару со змием зелёным
Власть вкушавший прописочный ад
То за твёрдым стовёрстным заслоном,
То с клеймом ЛПЗ возле МКАД.

Слободской и вагонною стужей
Изводимый на этом пути,
С приговором, что местности лучшей
Мне уже никогда не найти.

Пот градирен, окраин морока,
Котлованов растерзаный вид,
И в испарине блёсткой дорога,
И наыворот пустошь лежит,

Где на корке чёрнёного наста
Я равняю с дыханием шаг
И стихами из Екклезиаста
Утоляю печаль кое-как.

КАРТА РОССИИ

Сиротская погода и страна —
Воронежская, пермская, тверская...
Слеза мирская крепко солона,
Хотя в ней вечно спрос и поиск рая.

Катынь ли, Чердынь —
сплошь бедны-седынь,
Век — взмах ладони,
жизнь печальной вздоха,

И с гробовыми выплатами Кцынь,
В лесах калужских деревушка-кроха.
Гордынь-хвалынь
давным-давно в былом.

Мир перед нами — брошенное поле.
Что с кровью взято, пушено на слом:
С азартом — властью, массой — поневоле.

Но всё ж не кануть отчине во мглу:
Там безперечь герои и провидцы,
Где жив народ, скупой им на хвалу
И непоследный с карой за провинность

Прорабов смуты и лихой шпаны,
Что заложили собственную душу,
Как в кабаке — последние штаны,
Чертям заморским, Клинтону и Бушу.

Но, хоть стране от них немало бед,
Бог не допустит власти их над нею.
Уймимтесь — либо, как сказал поэт:
"Ручаюсь вам — себе свернёте шею!"

Бог даст, восполнит гибельный урон
В который раз великий русский гений
И не поблекнет магия имён
Славянских рек и древних поселений.

Россия, Рославль, Рессета, Ростов —
Как русский всадник
полем вдаль стремится.
Роса, рассвет, росы, росстани, росток —
Так слышу я над атласной страницей.

Луиза САВИНСКАЯ

Когда
искусственный
нигде не нужен
свет,
И дремлют фонари
— ночной работы
нет —
Лишь храмы говорят
молельными
свечами,

Тогда у нас, людей,
в сердцах
ясней надежды,
Что темень
победить теперь
под силу нам,

И к миру Горнему по световым волнам
Не устремятся только трусы и невежды.
Бесстрастно время лишь,
верша свою работу:

Что свет, что тьма — идёт себе, идёт...
И это свойство времени у нас крадёт
Отваги светлый час и о душе заботу.

Сегодня всё вокруг пронизано лучами,
И мрака в душах — самых слабых — нет.
Так вознесём горе,
чтоб благодатный свет

Лучился в душах наших днями и ночами,
И души вечными горели бы свечами.
Дабы не стать себе назавтра палачами,
Преобрази всех нас,
Извечный Горний Свет!

Тьма разностей,
но всё — одно дыхание,

Симфония...
один язык миров,
Лишь музыка несёт сквозь расстояния
Немыслимых глубин благоухания,
Чтоб с космосом

сроднить тебя, твой кров.
Ты музыку впустишь, вступишь готов?
Или сложил свою — семи цветов?..

Обычно любишь глухо и невнятно,
всего лишь от желания любить.
Мы так близки,
что даже непонятно,
о чём с тобой мы можем говорить.

Два дня, три дня —
не страшная разлука.
Но стоит ей
лишь руки нам расплесть —
и вся Москва,
как вся любовь и мука,
нам друг о друге посылает весть:

то твоё имя прозвучит внезапно —
и по спине мурашки, меркнет свет.
Твоих духов в метро повевает запах —
и я готов ищейкой взять их след.

Даже тогда, когда мы как чужие,
единство душ легко разъединив,
похожи на две глыбы ледяные
и, медленно кружась,
как птица гриф,
над нами тень вдруг
хищная нависла

или прожилки в отблесках лучей
на крыльях белой бабочки,
похожей
на лепестки нежнейших орхидей?
Но даже их я не сравню с твоей
как бы подсвеченной,
почти прозрачной кожей.

Как странно, что какой-то тепловоз
ради какой-то будничной разлуки
опять куда-то от меня увёз
твои изысканные маленькие руки.
В сыром снегу платформы,
на краю,
как будто телеграфный столб,
стою.

Одни огни, дробясь,
вмерзают в лужу
и некому догнать теперь мою
за твой вагон прицепленную душу.

Не рядом ты —
и в мире смысла нет.
Всё чепуха, обуза и вульгарность —
метро, прохожие,
весь этот лёгкий бред,
обычно именуемый "реальность".

Одно теперь реально до конца —
на лужах блики,
бледные как плесень,
в ночном такси блатная хрипотца
классических
магнитофонных песен.

Отныне нужно машинально жить:
не вспоминать,
не думать, быть как робот.
Остановить машину, заплатить,
дать чаевые, дверцею не хлопнуть,
с беспечным видом выйти,
словно мне
взаправду есть куда идти
в огни ночные...

Как всё же одиноко на земле,
как грустно жить!
особенно в России.

Но в сердце теплится —
и тут славы слова, —
к одной тебе, —
и тут смешно искусство, —
огромное, как будто сон слона,
почти нечеловеческое чувство...

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в блочном доме,
скрытом снежной мглой,
пред новым расставанием своим
мы даже не целуемся порою,
а лишь, как тени сблизившись,
стоим.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

И в этот миг, среди оцепененья,
как подснежник и поляна,
мы так приники,
тёплый свет маня,
так приросли, что даже непонятно,
куда ты всё уходишь от меня.

Над скрытым гнездом...

Анатолий САВИН

— Такой, как ты, ещё нигде
Я не встречал в помине —
Не на далёкой стороне,
Не на родной равнине.

Под лёгкой сенью деревьев,
Где нас застало утро,
Дарил ли я тебе кольцо
Нежнее перламутра?

Залив, как доброе вино,
Нас опьянял рассветом.
Дарил ли я тебе кольцо
И говорил при этом:

— Такой, как ты, ещё нигде
Я не встречал в помине —
Не на далёкой стороне,
Не на родной равнине.

С тех пор храню я письмецо,
Короткое, как лето:
"Твоё чудесное кольцо
Я обронила где-то..."

Усталый взгляд
с потухшими очами,
Вечерняя газета у стола...
А ведь когда-то были рысаками
И в нетерпении грызлы удила.

Сиял январь
крещенскими снегами,
Но ярче дня любовь моя была.
Мы все когда-то были рысаками
И в нетерпении грызлы удила.

Мы не щадили тех,
кто были с нами,
сжигая их дотла.
Тогда, когда мы были рысаками
И в нетерпении грызлы удила.

Когда ж взбрыкнёт —
бывает временами,
И выбьем хворь
и скуку из седла,
О! как легко мы снова рысаками
Летим вперёд, кусая удила.

И гремит сердце
новыми ветрами,
Хоть грива буйная
давным-давно бела,
И мы опять,
как прежде рысаками
Хотим вперёд, кусая удила.

Хороша цыганочка!
Эх! Житье-бытьё...
По старинке б в саночках
Мне умчаться её.

Пройдут года
и вспомнить будет жутко:
что это было? —
лунный блеск окна,
игра светотеней,
случайность, шутка?

Ах, если б знать...
Ах, если б не луна...
Светает день.
И снег идёт так густо!
И мы пройдем,
растаям в звёздной мгле,
лишь там узнав,
какому нет названья на земле.

Все лица —
словно слепки с пустоты.
Твоё лицо
из редких среди женщин.
Послушай, может быть,
случайно помнишь ты
на створках раковин
чуть розоватый жемчуг

твоей фигурки и лица родного
классические, тонкие черты.
Предать забвенью маленькие руки,
заплетая узкое,
как выход в мир иной,
разъять на неосмысленные звуки
потусторонне чистый голос твой.
Пора забыть, забыть пора и точка,
что и на лике девственном твоём
припухлость губ
сродни весенней почке,
бутону с нераскрывшимися цветком.
Пора запоминать
вплоть до самой смерти
медвяные мне ложесна твои
и просто жить,

как все живут на свете —
без трепета, без тайны, без любви.
Поэт страдал так высоко безмерно,
докуда, как до Бога, далеко.
"Чем меньше любим женщину..." —
как верно,
как грустно сказано, как горько!
как легко...
Хотя в ином — увы, нездешнем веке,
лишь только лязгнул
в полумгле курок,
кровавый след
на петербургском снеге
перечеркнул
наивность этих строк...

Но что мне в этом?
Дальше — мимо, мимо.
Я приготовил хлесткий монолог:
"Любимая, ты больше не любила!
Мечтам пита
мало длинных ног..."
Пришла проститься —
тонкими руками
не обнимай. Я